

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ XX ВЕКА: ТРАДИЦИИ И ОСНОВНЫЕ ПАРАДИГМЫ

УДК 1:316
ББК 60.00

В.Г. Федотова

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ НАУКИ И СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье показана роль социальной философии и социальных теорий в решении проблем современных обществ. Автор обосновывает необходимость и раскрывает возможности использования идей и концепций современного обществознания в практике социально-политического проектирования и управления. В свете тенденций развития социально-гуманитарных наук рассмотрена проблема взаимодействия научных сообществ России и Запада.

Ключевые слова: социальная философия, социология, социальная теория, функции науки, идеология, политические партии, модернизация, глобализация.

Игнорирование социальных наук и примитивные требования к ним губительны для общества, ибо роль социальных наук в обществе сложнее, чем кажется.

В данной статье мне хотелось бы ответить на некоторые обвинения, которые можно нередко слышать в отношении российской социальной науки. Во многих из них заложены неадекватные представления о задачах наук об обществе и философии. Поэтому статья содержит как теоретические соображения о роли социальных наук в обществе, в политической жизни, так и анализ причин неадекватной репутации российской социальной науки. Среди обвинений и подозрений, на кото-

рые мы пытаемся ответить, – неэффективность, отставание от западной науки и преимущественное следование ее идеям, отсутствие собственных идей и влияния на западную социальную науку, оторванность от жизни и слабость социально-инновационного внедренческого компонента. При этом некоторые адекватные критические оценки всецело адресуются ученым и институту науки, хотя дело не только в состоянии науки, а также и в том, как общество, элиты, политики воспринимают научное знание и готовы ли они работать с ним. Президиум РАН вернулся к признанию значимости фундаментальных исследований в России, признал неверность политики ориентации науки только на экономику, подчеркнул значимость новых фундаментальных разработок и высоких технологий. Однако в речах журналистов и политиков все еще преобладает оценка научных результатов как ути-

литарных рекомендаций, которые сами ученые должны осуществить.

1990-е : «совки» и «лохи» социально-гуманитарных наук

В 90-е от незнания жизни наши люди пережили страшное самоунижение, ставшее закономерной реакцией на прежнее самовозвеличивание. Изобретенные в народе термины «совки» и «лохи», которыми пытались характеризовать доверчивого, наивного и непредприимчивого советского человека, сегодня исчезли. Сегодня остались только одни «совки» и «лохи» в России – воспринимаемые так ученые социально-гуманитарных наук, те, кого ругают, обвиняют, считают невыполнившими свою задачу. Кому придет в голову критически относиться к физикам, биологам, химикам, ведь для этого надо быть специалистом. Общество – всем доступный объект, и большинство людей имеет по его поводу свои мнения и оценки. Повседневное знание людей дает им основание для ориентации в обществе и оценок происходящего. Оно, несомненно, имеет значение и для ученых. Но в обществе отсутствует представление о том, что ученые могут увидеть нечто большее за гранью повседневности.

Социальные науки сыграли большую роль в западных странах. Послевоенное «немецкое чудо» было результатом политики Людвиг Эрхарда, базировавшейся на ордолиберализме. Послевоенное «японское чудо» – продукт проекта японских социологов, предложивших к концу 50-х гг. перейти от либеральной реформы, осуществляемой под руководством американских оккупационных властей, к поддержке коллективных структур, качественно проводящих государственные цели (прежде милитаристские), изменив сами эти цели. Наши неудачи 90-х – следствие неграмотного социального проекта, который не учел фактора культуры и мотивации поведения людей, возможного преобладания жадности над рациональным экономическим интересом. «Третий путь» (политика Тони Блэра, Герхарда Шредера) в Европе – частично успешный, частично неудачный, явился воплощением концепции социолога Энтони Гидденса. Следовательно, *социальные науки повсю-*

ду играют роль в преобразовании общества, предлагая социальные проекты или их основу, стремясь предвидеть негативные последствия или риски тех или иных решений. Для того чтобы проекты были удачными, нужен рынок идей, независимые экспертизы, планирование рисков и ответы на них, отсутствие приватизации знания, свободная дискуссия, обеспечение механизмов ознакомления власти с реакциями на выдвигаемые предложения.

Встав на путь посткоммунистического развития, Россия оказалась перед задачей перехода от догоняющего, неорганически-мобилизационного развития к органически-инновационному. Для этого важно было не просто поощрять инновации, а формировать *институты инноваций*, к коим относятся наука, рынок, образование. Сосредоточившись на рынке, далеко несовершенном, пытаясь что-то сделать в образовании, власть в 1990-е гг. весьма пренебрежительно относилась к науке, в том числе и социальной.

Были попытки улучшить ситуацию: в марте 2002 г. приняты девять приоритетных направлений научно-технического развития, открывающих стране перспективу вхождения в глобальную экономику на основе научных и технических достижений и переориентации ее экономики с сырьевой на научно-технологическую. Среди них не было ни одной науки об обществе. Наиболее приближенной к ним среди включенных в число приоритетных направлений стала экология. Один из физиков радостно заявил, что наконец-то у никчемных гуманитариев заберут деньги для настоящей науки. Другой представитель естественных наук дал интервью из Англии о том, что социально-гуманитарные науки – это что-то вроде «блошиного рынка», на котором ищут нечто особенное. Такое направление в социально-гуманитарных науках действительно существует. Это утонченное, эстетически окрашенное, часто связанное с постмодернизмом исследование социальных, антропологических нюансов, весьма самоценное и развивающее научную рефлексию. Но им не исчерпываются задачи социально-гуманитарных наук, как познавательные, так и мировоззренческие и инновационно-проектные, что уже показано выше.

Научное сообщество и научные результаты

В 90-е многие представители социально-гуманитарных наук уехали на Запад. В отношении оставшихся в России, если они не были связаны с ельцинской властью и не стали ее идеологами, когда репутация сводилась к политической, царило безразличие. Много было тогда издано, но войди в залы ученых советов Алексей Хомяков или Иван Киреевский, или Сергей Булгаков, или даже Владимир Соловьев, которому сегодня ставят памятник рядом с Институтом философии РАН, многие бы отвернулись от них с революционным презрением. Власть не было дела до ученых, но именно это и создало известную свободу для их самостоятельного и творческого развития. Российские научные традиции признаны в мире, хотя с признанием ученых в своей среде на родине не все обстоит гладко. Достаточно вспомнить, сколько знаменитых ученых стали таковыми, лишь работая за границей, скольким пришлось в России вытерпеть непризнание, часто от своих же коллег, как в активной форме, так и в форме замалчивания, сколько ученых, сделавших даже больше, чем их институты, не получают в них и в системе Академии наук РАН адекватного статуса.

Социология науки представила убедительные доказательства социально-культурной обусловленности науки, зависимости тех или иных теорий от социального контекста и институционального запроса на исследования. Что касается философских теорий, можно назвать, пожалуй, среди немногих исследователей проблемы Рейнолда Коллинза. В отличие от социологии науки, он назвал свое исследование «социологией философий» и использовал новые методы – анализ философских сообществ или философских сетей. По мнению Коллинза, «...у нас нет способа узнать, о ком (если о ком-либо вообще) будут помнить как о выдающейся или второстепенной фигуре... Такова уж природа пространства интеллектуального внимания. Внутренне оно образовано потоком конфликтов и перегруппировок через поколения, а наша значимость как мельчайших человеческих узелков в этой долговременной сети производит-

ся не нами самими, но процессами резонанса, превращающими некоторые имена в символы того, что произошло в памятных поворотных пунктах данного потока» [2, с. 1016]. Чтобы понять, что идеальные научные сообщества практически отсутствуют, и наше не составляет исключения, напомним, что современники Макс Вебер и Эмиль Дюркгейм игнорировали друг друга.

Идеология, политическое знание и демократия в России

За что же отвечает ученый в обществе? В меньшей мере за результат применения своих концепций, так как этот результат зависит не только от него, но от многих людей и учреждений, от общества в целом. То, что выступает как теоретически верное, нуждается в серьезной оценке условий реализации, соответствии техническим, экономическим, социальным, культурным возможностям применения. Все эти условия анализируются с участием ученых, но не только ими одними, а множеством людей разных специальностей, представителями власти, чиновниками и пр. Однако игнорирование научных достижений или использование их с «украшательской» целью создает серьезные проблемы для общества, в частности в партийном строительстве.

В России 90-х гг. XX в. отождествляли демократию с многопартийностью, политическим представительством, поскольку интереса к непосредственной демократии, которой у нас всегда, видимо, хватало, не было. Именно представительная демократия, которая требует партийного размежевания, и была основой наших исходных представлений и является и, видимо, будет оставаться таковой, как это происходит во всем мире. И сегодня, как и в 90-е гг., мы имеем большое количество разнообразных партий – появились новые, сохранились старые, те, кто у власти, те, кто не у власти.

В преддверии выборов в Государственную думу в декабре 2007 г. самоочевидным стало то, что сегодняшние партии России не имеют идеологии или доктринальных оснований. Многие, в том числе и эксперты, считали, что это хорошо, потому что народ не отреагирует на слишком большие идеологи-

ческие замыслы, он уже давно устал от идеологии. Хотя некоторые из экспертов задавались вопросом, что же тогда делает партию политической партией, возобладало мнение, что именно разрыв с классическими политическими идеологиями – либерализмом, консерватизмом и социализмом – составляет суть момента, который в значительной мере является привлекательным для населения.

Партийный плюрализм, который был в 90-е гг., отличался тем, что партии не имели консенсуса по поводу базовых интересов. Это были партии, исходившие из различных вариантов стратегии, которая в России формируется или может формироваться, они конкурировали или вступали в блоки, но все попытки достичь какого-то согласия оказывались мнимыми, и партии не приобретали общности в понимании путей развития России. Поэтому, на мой взгляд, партийная система не была построена, она как бы «проклюнулась», но не оказалась эффективным средством реального решения проблем. Партии боролись за власть, и эта борьба характеризует определенный способ рекрутирования элит.

Сегодня эксперты считают, что самая развитая программа с идеологическим наполнением имеется у КПРФ, но она отягощена старым советским стилем, очень громоздка и не совсем коммунистическая. Эта программа в большей мере патриотическая, потому что проблемы справедливости, которые характерны для коммунистической идеологии и для российского коммунизма, там по существу не поставлены. Российские политические партии отличались лозунгами, например лозунг СПС – «Угрозы демократии», лозунг «Единой России» – «План Путина – в действие». И чем более конкретный вид приобретали эти лозунги, тем более становилась возможной партийная конкуренция. Один из экспертов говорил, что он предложил «Единой России» пункт программы, включающий «увеличение пенсионного срока», чтобы другие партии, которые предлагают его уменьшение, могли конкурировать с ней по данному конкретному пункту и конкуренция идей была более очевидной. Как объясняют свои политические цели даже очень опытные политики? Ну вот, скажем, Григорий Явлинский выдвигал очень конкрет-

ную цель, которая не выглядела даже как лозунг: «Демография под угрозой!» ЛДПР эксплуатировала русский вопрос, но его не формулировала. Геннадий Семигин заявил, что главная цель его Патриотической партии – обеспечить наркодельцам пожизненное заключение. Представители «Единой России» выступали с широким блоком социальных программ, но никто из них не назвал, какой идеологии они придерживаются.

Возникает вопрос: а с кем же в мире они будут контактировать, ведь идеологии, доктрины, характеризующие партийную принадлежность сегодня, особенно в условиях глобализации, достаточно интернациональны? Если отсутствие базового консенсуса по поводу главных интересов в 90-е гг. создавало бесконечное разнообразие, которое не производило партийной системы, то к моменту выборов в Думу в декабре 2007 г. ситуация изменилась, и был получен некоторый консенсус, который довел партийные платформы практически до неразличимости. Игнорировался факт, что от анархического порядка прежнего режима 90-х гг. XX в. люди во многом перешли к апатии, хотя преодолели аномию (деструкцию ценностей), и общими, так сказать, проточностями стали ценности стабильности и безопасности, а также требования эффективности. Но все же массы оказались ориентированы при попытке обосновать и проголосовать за эти ценности скорее на политику президента, чем на партийную борьбу. Важно отметить, что не за горами новые выборы, но ситуация при этом не меняется. И в предвыборном споре о том, насколько хорошо отказаться от классических идеологий, насколько это правильно, напрашивался только один вывод: *платформой партий в России стало повседневное сознание.* Оно делает российские партии партиями, ориентированными на непосредственные нужды людей без достаточно разработанных программ и ясных целей. С одной стороны, таким путем было легче достичь консенсуса, а с другой – популизм многих партий выходил за возможные пределы.

Это напоминает мне времена популистской Америки. Когда Вильям Генри Харрисон был избран президентом от либеральной партии в 1840 г., партии пришлось для этого

делать вид, что он не образованный и умеренно обеспеченный человек, живущий как джентльмен на своих 2000 акрах, как это было на самом деле, а является первооткрывателем, обитающим в бревенчатом домике и пьющим крепкий сидр. С Эндрю Джексона в Америке утвердился популистский идеал демократии, когда человек должен был жевать табак и пить сидр. У Джексона было два кабинета: в один он приглашал интеллектуалов, во втором собиралась «теневая кухня». И сторонниками таких популистских мер были Фенимор Купер и Вашингтон Ирвинг. Они считали, что подлинными носителями демократии является именно такая среда. Сегодня, когда обозначилось стремление перейти от демократии меньшинства к демократии большинства, необходимо учесть, что существует и такой вариант демократии большинства, то есть популистский вариант. Повторюсь, что программы сегодняшних партий в России и даже их лидеры сегодня имеют меньшее значение, чем выдвинутые конкретные лозунги вроде «посадить наркоторговцев» или «уменьшить срок пенсий», либо увеличить, что-то обеспечить, «обеспечить жильем» («Справедливая Россия»). Сами программы мало чем отличаются друг от друга, некоторые очень короткие, совершенно лозунговые. Призыв к модернизации сегодня имеет шанс на применение теорий и изучение историй модернизации, но пока и он предстает в повседневном обыденном значении: как необходимость усовершенствования социальной жизни и технического обновления.

Между тем представляется, что имплицитно у партий имеется возможность сформулировать свои идеологии, опираясь на *научные концепции*, на которые эти партии могли бы быть ориентированы в осуществлении тех частных задач, заявленных в их программах. Так, мне представляется почти самоочевидным, что если бы «Единая Россия» задумалась об идеологии, то эта идеология была бы либеральным консерватизмом, хотя, видимо, либеральный консерватизм сегодня становится разноликим, и даже СПС, скорее, склонилась бы сегодня к нему. *Но либеральный консерватизм «Единой России» состоял бы в том, что, признав парламентскую систему и свободный рынок, она могла бы*

апеллировать к традиционным ценностям российского общества и пытаться поддерживать политику национального суверенитета, которая требует определенного понимания российского пути.

Мне представляется вообще в целом очень неправильным и даже обидным, что многие исследователи, журналисты и политики считают, что российская наука находится на нуле. В частности, пару лет назад, когда обсуждались принципы присуждения гранта, который выдвинул президент для общественных организаций, высказывалось мнение, что наука не справилась с поставленными задачами, поэтому сегодня скорее общественные организации могут справиться с этим, и были адепты неких жестких толкований наших научных неудач. Скажем, говорилось о том, что социология, а там формировалась и программа по социологии, была постоянно востребована, но она завела реальную политику в тупик. Я выступила по этому поводу, указав следующее: *она была востребована в функции легитимации власти, а не в функции раскрытия реальной природы конфликтов и способов их регулирования.* Поэтому сказать, что социология завела реальную политику в тупик, было просто неправильно, ибо социология во всей мощи своих возможностей, равно как философия и другие дисциплины не были использованы. На этом совещании говорилось о том, что российская экономическая наука абсолютно на нуле, что у нас наука не может обеспечить эффективность производства, поэтому дело передается общественным организациям.

Мне кажется, что существует неясность относительно того, какие возможности имеет наука и в какой мере она зависит от политики и общества. Приведу легенду, услышанную мною у коллеги Эрика Соловьева. Это легенда о купце, который думал, что у него тысяча золотых монет. К нему пришел алхимик, обнаруживший, что их только пять. Желая утешить купца, он сумел сделать ему еще пять, так как больше и быстрее он не мог сделать. Хотя реальное богатство купца увеличилось вдвое, его мнимое богатство уменьшилось в сто раз. Суть этой легенды в том, что наука в значительно большей мере разрушает мнимое всезнание и фиктивную уверенность, чем про-

изводит материальные или какие-то другие блага. Неверное понимание возможностей науки приводит к странным выводам, будто сегодня люди сами должны исследовать свою жизнь, а не научные коллективы, что наука повинна в социальных неудачах. И именно такой подход явился основанием того, что российские политические партии руководствуются повседневным сознанием. «Единая Россия», «Справедливая Россия» могут выработать свою доктрину, свою идеологию как либерально-консервативную. Для этого она должна прежде всего использовать критическую функцию науки по отношению к обыденному всезнанию.

Ни одна партия сегодня не должна быть на уровне Америки 1840 г., когда для того чтобы быть избранным, нужно было сказать, что ты пьяница, жуешь табак, что ты народный, что ты простой, и так далее, ибо демократия, я повторяю, в России является представительной.

Я хотела бы указать на две концепции, которые пригодились бы «Единой России»: концепция национальной модели модернизации и концепция ответственного политического класса. Что касается национальной модели модернизации, эта концепция выросла из идей Самуила Хантингтона и Шмуэля Айзенштадта, которые обнаружили, что в условиях глобализации Запад перестал быть единственной моделью развития. Как показал Андрей Фурсов, Запад вовлек в систему капитализма в условиях глобализации общества с самыми разными социальными субстанциями, внедрил в них капиталистические отношения и стал озабочен не выращиванием адекватных социальных субстанций, а эффективным функционированием капитала, получением прибыли повсюду в мире. Развивая эти идеи, я показала, что Запад более не мог предполагать, как прежде относительно России в 90-е гг., что она способна повторить его собственную социальную субстанцию, считать так применительно к Афганистану, Ираку, государствам Африки, надеяться на то, что они способны догнать Запад и использовать его политическую и экономическую модель развития. В странах, где не существует массовой буржуазной мотивации, как это было и в России, нельзя обвинить экономическую науку в том, что она не построила капитализм, похожий на

западный. Появляется национальная модель модернизации, сегодня проявляющая себя в незападных странах, в Китае, Индии, России и пр. Национальная модель модернизации связана с укреплением национального государства, суверенности, традиции и развитием рыночной экономики. Это концепция, которая может сыграть роль в формировании доктринальных оснований «Единой России».

Другая концепция, которая может стать полезной для этой цели, – концепция ответственного класса. Обращусь к толкованию русской истории, данному Юрием Пивоваровым и Андреем Фурсовым под названием «Русская система». Русская система состоит в том, что в ней власть и народ разделены, середины, соединяющей их – гражданского общества, не существует, и по этой причине система постоянно воспроизводит себя в том же виде. Я считаю, что для этой точки зрения есть существенные основания. В статье совершенно далеких от всякой политики историков Глеба и Ольги Елисеевых, опубликованной журналом «Социальная реальность» в 2007 г., предложена концепция, которая называется «Ответственный политический класс». Авторы показали, что мысль об отсутствии между властью и народом посредствующих звеньев не подтверждается. Социальная стратификация, которая в России осуществляется на любом историческом отрезке, по их мнению, как правило, состоит в том, чтобы разделить на классы, на группы, выделить средний класс, уповать на него (но растет он медленно), уповать на гражданское общество (но вызревает оно медленно). Они показывают, что всегда была социальная опора, которая пыталась соединить, не будучи частью гражданского общества, власть и народ, и четко выделяют такие слои в истории России. Всех удивило, что Президент РФ Путин произнес довольно харизматическую речь перед молодежью в Лужниках. Один из комментариев был таким, что существующий политический класс расколот, и поэтому президент через голову этого расколотого класса, который может повести себя по-разному, обратился к народу, ища другую стратификацию и тех людей, которые будут его поддерживать в ситуации все еще существующего политического раскола. Не берусь утверж-

дать, что это именно так, но просто думаю, что при переходе «Единой России» к осмыслению своей идеологии как либерального консерватизма она найдет концепции, среди которых, как мне представляется, имеют значение теории «национальной модели модернизации» и «ответственного класса». Опираясь на них, она сумеет поставить для себя более ясные неэмпирические цели, и только на их основе сформулировать эмпирические задачи, для того чтобы продолжить более серьезную работу.

Теперь возьмем «Справедливую Россию». Я думаю, что обратившись к западной социал-демократии, Сергей Миронов показал, что не вполне знаком с современными концепциями и состоянием общества. Ведь что такое социал-демократия? Это консенсус, который возникает между государством, бизнесом и населением в суверенном и полностью закрытом обществе, при котором налоговой базой этого консенсуса является сбор налогов [4]. Это баланс, равновесие, который в условиях глобализации нарушается, поскольку капитал уходит туда, где есть выгода. Социал-демократия теряет налоговую базу и становится бессильна. «Справедливая Россия», по-моему, могла бы позиционировать себя как новые левые, но вряд ли как социал-демократы. Именно поэтому в условиях глобализации возник новый курс, который предложен социологом Энтони Гиденсом Тони Блэру, а до этого был у Билла Клинтона. В выработке этого курса, представляющего собой попытку сохранения социал-демократии в условиях глобализации, когда не налоговая база, а отношения власти и бизнеса с обществом служат основой того, чтобы события принимали желаемый характер, большую роль сыграли и Юрген Хабермас, и Ульрих Бек.

Могу привести мнение бразильского ученого Луиса Брессера-Перейры, на которого ссылается Э. Гидденс [6]. Он говорит об идеях новых левых, которые, на наш взгляд, более адекватны целям «Справедливой России», чем социал-демократия. Вот, например, отношение к такому критерию, как партийный контроль. У старых левых это бюрократия, новые левые считают органом контроля новый средний класс, новые правые – бизнес-элиту. В политическом спектре, таким образом, появляются как новые левые, так и новые правые.

Роль государства: старые левые – центральная, новые левые – дополнительная, новые правые – вторичная, то есть полностью меняется конфигурация отношений. Реформа государства: старые левые – воспроизводство бюрократии большого государства, новые левые – изменения в сторону менеджерских функций, новые правые – минималистская роль. Исполнение решений: старые левые контролируются непосредственно государством, новые левые – публичными негосударственными организациями, новые правые – частными фирмами, осуществляющими бизнес. Финансирование как основа социальных служб: старые левые – осуществляется государством, новые – то же, новые правые – осуществляется частным сектором. Социальная безопасность: старые левые – обеспечивается государством, новые левые – государство обеспечивает лишь основание социальной безопасности, новые правые – обеспечивается частным сектором. Макроэкономическая политика: старые левые – популистская, новые левые – неокейнсианская, новые правые – неоклассическая. И, наконец, глобализация: старые левые – угроза, новые левые – вызов, новые правые – выгода.

Очень бы не хотелось, чтобы в партии приходили люди, как в 1840 г. в Америке. Мне кажется, что повышение интеллектуального уровня и роли ученых заключается не только в легитимации власти, как это большей частью происходит сейчас, но также в творческой, концептуальной, мировоззренческой работе, помещающей российское развитие в ясно понятый исторический и социальный контекст. В задачу ученых входят сценарные прогнозы развития, анализ рисков, проектные функции (не сводимые к PR и политтехнологиям), участие в экспертизах, социальных инновациях.

Наука – это специализированная деятельность по производству знания, которую осуществляют специально подготовленные для этого люди – ученые, используя те методы исследования, которые выработаны в самой науке. Ученый говорит на специализированном языке, который понятен либо узкому кругу специалистов, либо образованной публике. И подмена этой деятельности здравым смыслом в современном мире создает очень невнятную ситуацию, отсутствие долгосроч-

ной перспективы. Практические ориентации партий создали минимально необходимый консенсус в понимании тактических задач, но для стратегических решений партии нуждаются в доктринах и идеологиях, вырабатываемых сегодня с учетом научного понимания социальной реальности.

Российские социальные теории и Запад

Обозначенная в подзаголовке проблема сводится к вопросу, справедлив ли упрек в том, что российская социальная наука идет в фарватере западных теорий и не производит ничего нового, оригинального и национально-особенного, в том числе и того, что может заинтересовать Запад.

Замечу сразу, что Питирим Сорокин был выслан Владимиром Лениным из послереволюционной России и стал в США крупнейшим социологом мирового уровня, открыв главные закономерности функционирования капиталистического общества – социальную стратификацию, вертикальную и горизонтальную мобильность. Этот новый взгляд оказал огромное влияние не только на развитие социологии в Америке, но и на практическую политику в отношении динамичных социальных слоев и социальных групп. Сорокин был и остается выдающимся американско-российским социологом. Михаил Бахтин, Николай Кондратьев, Александр Чаянов известны повсюду в мире.

Выше я уже показала, что качественные и оригинальные российские социальные теории производятся. Но они плохо востребованы из-за атмосферы во многих научных сообществах, из-за неадекватного запроса власти на задачи социальной науки или вульгарного применения ее проектных возможностей (например, при «шоковой терапии»), из-за иллюзий ясности общественных проблем и упрощения, связанного с опорой на обыденное сознание и игнорированием фундаментальных достижений социальных наук.

Запад, особенно США, чрезвычайно эффективны в использовании социальных наук. В рассекреченном докладе американского разведывательного сообщества «Контуры мирового будущего», подготовленном учеными во главе с Джозефом Наем и содержащем прогноз мирового развития до 2020 г., он пред-

ставляется как сценарий-тренд, комбинированный со сценарием-идеологией американского и мирового будущего. В докладе говорится: «Линейный анализ позволит нам получить значительно видоизмененную гусеницу, но никак не бабочку – для этого нужен скачок воображения. Мы надеемся, что данный проект... позволит нам совершить такой скачок – не предсказать, каким будет мир в 2020 г. (это явно лежит за пределами наших возможностей), – а тщательно подготовиться к разнообразным трудностям, которые могут ожидать нас на нашем пути» [3]. Этот вполне «политически корректный» документ отличается тем, что указывая на ряд тенденций, подрывающих могущество США и однополярность (например, возвышение Китая и Индии), он не смотрит на мир как квазиприродный и утверждает роль США в будущей мировой политике. Новый прогноз до 2020 г. дает четыре конкретных сценария – «Мир без Запада» – возвышение БРИК (Бразилии, России, Индии, Китая); экологических проблем и изменения климата; конфликта в БРИК из-за ресурсов; неспособности государств справиться с хаосом и стремлением осуществить управляющую роль неправительственными организациями [8]. Подобные исследования кладутся на стол Президента США, и проводятся они с привлечением огромного числа компетентных специалистов.

Нередко высказывается мнение о подчиненности идей российских теоретиков в области социальных наук западным концепциям, поскольку российские ученые и философы часто цитируют западных коллег. Однако все понимают, что социальные науки – экономика, политология, социология – возникли на Западе и для анализа самого Запада. Они стали распространяться в другие страны по мере их собственной модернизации и появления в них социальных структур, соизмеримых с западными. Рассмотрим этот вопрос на примере социологии. Согласно точке зрения Мартина Олброу, социология проходила следующие стадии развития:

- *универсализм*. Это – классическая фаза социологии, при которой доминирует стремление к получению общезначимого знания о человечестве и для человечества (Огюст Конт, Герберт Спенсер);

- *национальные социологии*. Формирование социологии на профессиональной основе, продолжение ее классического периода, отличающееся развитием социологии в пределах национально-государственных границ (Вебер, Дюркгейм). Социологические школы возникли в Германии, Франции, США, Британии, Италии, России и других незападных странах. Производимые идеи не утрачивали универсального характера, но контакты между социологами разных стран были недостаточно развиты;

- *интернационализм*. Являлся ответом на разрушение национальных идеологий и на мировые войны. Представлял собой двусторонний процесс – распространения в незападные страны как западной рациональности и теории модернизации, так и идей социализма. Усилились контакты между учеными, возникла Международная социологическая ассоциация в 1949 г., стали проводиться международные конференции. Западным ученым стали более известны именно в этот период теории циклов Николая Кондратьева, идеи неформальной экономики Александра Чаянова, диалогическая теория Михаила Бахтина;

- *индигенизация социологии* [7]. Это фаза появления местных, локальных социологических концепций, проявившаяся с 1970-х годов. Индигенизация была сопротивлением господству западных теорий. Подчеркивалась эвристическая значимость собственных культурных традиций как стимулов для появления новых направлений в социологии. Хантингтон так характеризует это умонастроение: «То, что является универсализмом для Запада, для всех остальных выступает как империализм» [10, р. 184]. В некоторой степени индигенизация социологии, по мнению Олброу, произошла и на Западе: социологии США, Франции, Британии, Германии, особенно Канады (движение канадизации социологии) становятся более специфическими. Источником выступает не враждебность к каким-то теориям, а интерес к своим особенностям;

- *глобализация социологии*. Это – продукт объединения национальных и интернациональных социологических традиций, индигенизации и универсализма, то есть всех четырех прежних стадий [9, р. 5–8].

Из сказанного вытекают основные дилеммы между универсальностью, воспринимаемой как принадлежность теорий Запада, индигенизацией как сопротивлению этому и глобализацией социологии, пытающейся учесть оба опыта. Сказанное в отношении социологии проливает свет на все социально-гуманитарные науки и дает ответ на вопрос о том, в какой мере российские исследования должны быть связаны с западными, а в какой – являться самостоятельными.

Сопротивление западному типу дискурса и есть индигенизация. Так, в Латинской Америке предполагают необходимым включить в латиноамериканский социальный дискурс местное знание, проблемы участия, власти, исследование коллективов, отношения настоящего к прошлому, использования традиции для мобилизации масс, признание ценностей народной культуры, легитимность отрицания западных ценностей, критику эксплуатации, нужды и несправедливости, проблему трансфера латиноамериканского социального знания в другие страны и, прежде всего, на Запад [5].

Вопрос о возможности японской социологии прямо ставится в научной литературе. В Японии имеется два основных направления в социологическом знании: использование западных теорий как универсальных и индигенизация – попытка построить социологическую концепцию исходя из японской уникальности. Джон Ли высказывает неудовлетворенность обоими подходами: «Аргументы уникальности и генерализации являются двумя сторонами одной и той же теоретической медали. Тщательное и придирчивое описание основных институтов или групп можно осуществить без стремления выяснить их специфичность или универсальность. Универсальная теоретическая модель, по контрасту, просто предлагает место для Японии в ее концептуальной схеме. Но оно очень мало и толкает Японию к поискам аналитических инструментов, имеющих смысл для анализа японского общества» [5].

Легко видеть, что знание об обществе в России имеет также бинарную оппозицию освоенной западной социальной науки и местных попыток описать национальный характер, российскую многонациональность, мультикультурализм и мультиконфессионализм, коллективизм, отсутствие срединной культуры, неформальность экономики, предпочтение воли свободе, ставятся вопросы об учете этой специфики западными социологами при попытке объяснять российские процессы, и пр. Этого пока добиться не удастся, хотя имеются богатые традициями и результатами русские школы в социально-гуманитарных науках.

Предложены три попытки преодоления несоизмеримости социальных теорий в странах с различной социальной реальностью и возможности достижения ими глобальной универсальности. Первая из них принадлежит Петру Штомпке. Он полагает возможным *сблизить западные и незападные концепции посредством увеличения арсенала «мягких методов»* – феноменологии, этнометодологии, герменевтики, коммуникативной социологии, что увеличивает способность понимать «чужие» – незападные общества и быть соизмеримой с их собственными представлениями о себе.

Вторая попытка связана с японским опытом. Джон Ли показал, что «мечта об универсальном теоретизировании трудно осуществима, если невозможна на уровне Японии (подчеркнуто нами. – В. Ф.), даже если японское общество будет определено как политическая или культурная единица» [11, р. 58]. Это локальная единица, не способная произвести универсальный продукт. Но ведь если Запад делал это, почему же Япония не может? География культурных универсалий включает отдельные страны, которые производят нечто, принятое всеми народами. Именно на этом пути Запад и создал универсальные формы социального знания. Япония не стала, в отличие от Запада, центром мирового развития, определившим его направленность. Она играет большую, но сегодня уже не ведущую роль в своем регионе, и развитие в ней построено на заимствовании западных технологий и использовании уникальных особенностей. Перспектива развития ее социальных наук состоит в осмыслении ее включения в транснаци-

ональные связи. Гораздо большие притязания на универсальность сегодня могут выдвинуть страны БРИК. Хотя это виртуальное сообщество, но его реальность – в однотипности развития.

Третий путь мультипликации западной и незападных социологий до уровня новой универсальности предложен американским социологом Эдвардом Тарикьяном. Это путь *построения интернациональной социологии*. Тарикьян разработал некоторые методы на уровне обучения студентов в Дюк Университете США. Он предлагает студентам, являющимся американцами в третьем поколении, рассказать, из каких стран прибыли их предки и в какое время, охарактеризовать те общества, из которых они прибыли, в том числе и их нынешнее состояние (политический режим, экономику, социальную стратификацию и т. д.), описать те изменения в США, которые произошли с момента прибытия в страну их родственников. Для студентов, чьи семьи живут в США дольше, чем три поколения, предполагается изучение социальной истории. Это – пример попытки *двухстороннего трансфера социальных знаний, который жаждут получить ученые большинства незападных стран, сопротивляясь одностороннему потоку научных моделей с Запада в незападные страны и отсутствию встречного потока даже при выработке программ развития той или иной западной страны. Вот этого трансфера из незападных стран в западные катастрофически не хватает по вине Запада*. Это толкает к индигенизации социальных теоретиков незападных стран, не включенных в модернизационные процессы, недостаточно прошедших их. Россия не относится к их числу, и требование российской самобытности без учета западных идей – это снова призыв к необразованности, к Америке 1840 года. Равным образом объяснение российских реалий и их оценка с точки зрения западных теорий не адекватны состоянию нашего общества.

Индекс цитирования российских ученых (характеризующий упомянутый Коллинзом резонанс их деятельности за пределами общества) остается за низким рубежом. На всех международных конференциях российские социальные теоретики выглядят вполне

достойно¹, но их труды мало переводятся на иностранные языки, не принимаются в ведущие журналы Запада по причинам, которые можно характеризовать как *неадекватная научная политика Запада в отношении посткоммунистических стран*, закрытие для нас западного рынка идей, разочаровывающее невнимание к достижениям ученых незападных стран и их теоретической деятельности. Трое венгерских ученых характеризовали деятельность Запада через их фонды, безусловно, поддержавшие ученых посткоммунистических стран материально, как *обязывающие их к работе в сфере базы данных или освоения западных теорий, но не допускающие даже предположительной возможности или способности ученых этих стран к производству новых теорий*. Запад способствовал освоению западной науки и философии в посткоммунистических странах, посткоммунистической деидеологизации, налаживанию контактов между российскими и западными учеными, но сохранил односторонность этих связей. Надо сказать, что такие фонды, как, например, Фонд Фулбрайта, работали с советских времен и ставили вполне согласованные с советской идеологией и сегодняшним пониманием задачи освоения западного опыта российскими социальными теоретиками. И эти задачи выполнены. На Западе много своих ученых, которые имеют интерес к незападному миру. Это Джованни Арриги, Ульрих Бек, Иммануил Валлерстайн, Шмуэль Айзенштадт, Самуэль Хантингтон и другие. Нет сомнения, что знакомство с российскими исследованиями было бы им интересно. Если Запад не печатает нас, не открывает возможности для публикаций российских и восточноевропейских ученых, мы сами должны обеспечить свой выход на Запад российскими публикациями на английском языке и дать понять, что отсутствие влияния нашей социальной науки – это политика Запада, о которой метко сказали венгерские ученые.

Таким образом, социальная наука в России находится в нелегких условиях, но имеет большой задел достойных исследований, которые теоретически самостоятельны и усваивают мировой опыт. Они могут быть применены на практике, могут быть мировоззренчески

ценными. Я надеюсь, что сняла упреки, с перечисления которых начиналась статья, как несостоятельные, кроме одного – мы не влились в мировую науку и не влияем на западных ученых из-за политики Запада. Но что говорить о политике Запада, когда и в своей стране мы недостаточно востребованы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Есть другие мнения. Например, Н. Греков сомневается в творческом потенциале российского сообщества, работающего в социально-гуманитарных науках. Возможно, его жесткие оценки могут быть отнесены к некоторому числу, возможно и немалому, российских ученых, но наука не является массовой профессией. И оценки ее состояния лучше делать по значимым образцам, которых немало (см.: [1]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Греков, Н. «Методологический кризис» или скрытая деградация / Н. Греков // Pro et Contra. – 2001. – Т. 6, № 1–2 (зима – весна). – С. 178–182.
2. Коллинз, Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения / Р. Коллинз. – Новосибирск : Сиб. хронограф, 2002. – 1280 с.
3. Контуры мирового будущего : доклад по «Проекту – 2020» Национального разведывательного совета США на основе консультаций с независимыми экспертами со всего мира. 2004. Декабрь. [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.hia.gov>. – Загл. с экрана.
4. Мацонашвили, Т. Проблема перестройки социального государства в Западной Европе / Т. Мацонашвили // Pro et Contra. – 2001. – Т. 6, № 3 (лето). – С. 105–127.
5. Borda, O. F. The Application of Participatory-Action Research in Latin America / O. F. Borda // Globalization, Knowledge and Society / ed. by M. Albrow and E. L. King. – L. : Newbury Park, New Delphi, 1990.
6. Bresser-Pereira, L. K. The New Left Viewed from the South / L. K. Bresser-Pereira // The Global Third Way Debate / ed. by A. Giddens. – Cambridge, UK, 2001. – P. 358–371.
7. Creating Indigenous Sociologies // Globalization. Knowledge and Society / ed. by M. Albrow and E. L. King. – L. : Newbury Park, New Delphi, 1990.

8. Global Trends-2025. A Transformed World. National Intelligence Council. – Washington, 2008.

9. Globalization, Knowledge and Society / ed. by M. Albrow and E. L. King. – L. : Newbury Park, New Delphi, 1990.

10. Huntington, S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order / S. P. Huntington. – N. Y., 1996.

11. Lie, J. Sociology of Contemporary Japan / J. Lie // Current Sociology. Journal of the International Sociological Association. – 1996. – Vol. 44, N 1.

ROLE OF SOCIAL SCIENCE AND SOCIAL PHILOSOPHY IN RUSSIAN SOCIETY

V.G. Fedotova

The article demonstrates the role of social philosophy and social theories in problem solving of contemporary societies. The author substantiates the necessity and reveals the opportunities of the use of ideas and conceptions of contemporary social science in the practice of social and political planning and management. The author considers the problem of cooperation between Russian and Western scientific societies in the light of tendencies for humanities and social sciences development.

Key words: *social philosophy, sociology, social theory, science functions, ideology, political parties, modernization, globalization.*